

БИОГРАФИЯ

Булата ОКУДЖАВЫ

ОКУДЖАВА Булат Шалвович [9.V.1924, Москва — 12.VI.1997, Париж; похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве] — поэт, прозаик, драматург, кинодраматург. Родился и вырос в семье, пострадавшей от сталинских репрессий: отец — крупный партийный работник — был расстрелян, мать долгие годы находилась в концентрационном лагере, погибли многие близкие родственники О. «Горестный отсвет катастрофы» (Повести и рассказы. — С. 270) лег на судьбу и творчество поэта, во многом определил автобиографическую канву его произведений. В конце 80-х гг. О. скажет: «Я хочу воскресить своих близких!» Памяти детства, образам матери и отца, трагедии века, прошедшей по сердцам и судьбам, отрезвлению от детской романтической наивности «сына века» он посвятит цикл стихотворений «Арбатское вдохновение, или Воспоминание о детстве» (1988), автобиографические рассказы «Девушка моей мечты» (1985), «Нечаянная радость» (1986), роман «Упраздненный театр» (1989-1993), получивший Букеровскую премию в 1994 г. В нем звучит «скорбная и неостановимая мелодия утрат», ее полутона откладываются в памяти, в сердце, в душе. О. хотел поймать «золотую рыбку» истории и понять, в чем смысл преобразования человека — «от слепого пухлого ребенка» до шестидесятилетнего мужчины. Герой романа — Отар по документам, Иван Иваныч по самоощущению, Ванванч — по малолетству — так же, как и автор, не просто вспоминает о трагедии семьи и своем детстве, но хочет понять причину случившегося. «Заехал к маме — умерла, / К отцу хотел — а он расстрелян. / И тенью черного орла горийского / Весь мир застелен» (Реквием. Стихи русских советских поэтов. — М., 1989. С. 283). Как «шестидесятник» по мироощущению, О. видит свою задачу в развенчивании сталинизма, о живучести которого он предупреждает во многих стихах («Давайте придумаем деспота...» и др.). В творчестве О. нет конфликта между отцами и детьми; романтика гражданской войны, героическая чистая юность матери и отца для него святы: «О чем ты успел передумать, отец расстрелянный мой, / Когда я шагнул с гитарой, растерянный, но живой?» (Реквием. С. 286). О своей кровной связи с временем, его радостями и трагедиями говорится во многих его стихах и песнях: «Я знаю этот мир не понаслышке: / Я из него пророс, / Но за его утраты и излишки / С меня сегодня спрос» (Знамя. 1995. № 2. С. 4). Как истинный российский интеллигент, О. несет в своем сердце чувство вины и покаяния.

В 1942 г. прямо из IX класса О. ушел на фронт, воевал под Моздоком на минометной батарее, был ранен. По возрасту он принадлежит к поэтам фронтового поколения. Тема войны — одна из главных в его творчестве. «Грустью и иронией, т. е. моей творческой зрелостью, я обязан главным образом войне. На войне я рассердился на жестокость судьбы, незаслуженно похитившей близких мне людей, но вместе с тем научился великому чувству прощения и понимания... Война все время со мной: попал на нее в молодое, самое восприимчивое время, и она вошла в меня очень глубоко» (Лит. газета. 1984. 25 апр. С. 3). Поэт изображает войну через призму восприятия и переживания «школяра»-мальчика 30-40-х гг., вчерашнего школьника, мечтающего о героических подвигах и славе, а попавшего в самое пекло войны, хлебнувшего окопных будней, суровой армейской службы. В автобиографической повести «Будь здоров, школяр!» (1960-1961) О., следуя традициям Л. Толстого, раскрывает сложный внутренний мир героя, его переживания, страх смерти, боли, слезы, ненависть к войне, трудный путь становления молодой души. В основе повести, а затем и киносценария «Женя, Женечка и Катюша» (1967, совм. с В. Мотылем) лежит тема преодоления «школярства», взросления

героя на войне. Критики упрекали О. за излишний психологизм в изображении «частного человека» на войне, за якобы «дегероизацию» солдат-победителей. Спектакль по повести «Будь здоров, школяр!» тоже был запрещен.

Всенародной любовью пользуются песни О. о войне. Некоторые из них напоминают по форме и звучанию фронтовой фольклор военной поры, например песня «отдельного десантного батальона» («Мы за ценой не постоим») к кинофильму «Белорусский вокзал» (1971) или «Бери шинель, пошли домой» из кинофильма «От зари до зари» (1975). Поэт скажет: «Мы все войны шальные дети: / И генерал и рядовой» (Капли Датского короля. С. 11), но свои стихи и песни о войне он посвящает прежде всего ее рядовым участникам, незаметным и негероическим внешне, но сохранившим доброту, милосердие, любовь. Поэт ценит в их сердцах «скрытую теплоту патриотизма» (Л. Толстой). Это скромные джазисты, сержант Петров, мальчики и девочки, «повзрослевшие до поры», к ним обращает поэт свою просьбу-призыв: «До свидания, мальчики! Мальчики. / Постарайтесь вернуться назад!» (Капли Датского короля. — С. 6). Войне и смерти противопоставляет О. людское братство. В балладе «Король» он воспел бессмертие обыкновенного арбатского мальчишки Леньки Королева, который «кепчонку, как корону, набекрень и пошел на войну», погиб в боях, но навсегда остался в памяти людей, в жизни московских улиц и дворов.

Свой лирический дар сам поэт связывает с чудесным спасением на войне и предназначением судьбы спеть за тех, кто погиб: «Судьба ли меня защитила, собою укрыв от огня? / Какая-то тайная сила всю жизнь охраняла меня. / И так все сошлось, дорогая. / Наверно, я там не сгорел, / Чтоб выкрикнуть здесь, догорая, про то, что другой не успел» (Аврора. 1985. № 12. С. 105). Лирический герой О. постоянно путешествует в памяти, живя «посередине между войной и тишиной», сохраняя в себе черты рыцаря, воина, защитника мира и добра. Война вошла в лирическую ткань и образность поэзии О.: в стихах о любви «отправляется нежность на приступ, / В свои тихие трубы трубя»; «часовые любви» неизменно стоят на улицах Москвы. С темой войны связан и «надежды маленький оркестрик под управлением любви» («Песенка о ночной Москве»), и образы «трех сестер милосердных — Веры, Надежды, Любви».

После войны, окончив ун-т, О. учительствовал в школе дер. Шамордино Калужской обл., затем переведен был в город. Учитель словесности по образованию, О. запечатлел этот период в грустно-иронических автобиографических рассказах «Частная жизнь Александра Пушкина, или Именительный падеж в творчестве Лермонтова» (1976), «Искусство кройки и шитья» (1985) и др. и в повести «Новенький, как с иголки» (1962).

Переехав в Москву в начале 50-х гг., О. работает в издательствах, редакциях журналов и газет, печатает стихи. В 1956 г. вышел его первый поэтический сб. «Лирика» (Калуга), через три года второй — «Острова» (1959). Известность пришла к О., когда он обратился к жанру авторской песни. По просьбе друзей он спел свои стихи под гитару в одной из московских квартир в 1956 г. «Мои настроения совпали с настроениями эпохи. И все. И поэтому мои песни считали откровениями. Я не преувеличиваю свою роль» (Интеллигент — не профессия // Комсомольская правда. — 1993. 18 сент. С. 3).

В поэзии О. органически соединились слово, музыка и краски, грусть и ирония, любовь и печаль. Характерный для поэта жанр «песенки» нес в себе черты русского городского романа, фольклора, «пересаженного на городскую почву», традиционной элегии, баллады и других жанров лирики. Своими учителями О. считает Пушкина и Л. Толстого, Б. Пастернака и Т. Манна, Беранже и Гофмана. «Я начинал с подражания Пушкину, затем Пастернаку», — заметил О. в одной из бесед. Пушкинское начало постоянно присутствует в его поэзии и прозе. Пушкин для него — идеал: «Он недостижим, но важно стремление приблизиться к нему» (Лит. газета. 1984, 25 апр. С. 4). В стихотворении «Приезжая семья фотографируется у памятника Пушкину» (1970) привычная уличная сценка приобретает символический обобщенный смысл: памятник Пушкину из фона, на котором постоянно фотографируются приезжие люди, превращается в

Пушкинский фон жизни и культуры, критерий добра и порядочности, залог бессмертия человеческой души: «На фоне Пушкина снимается семейство. / Как обаятельны / (Для тех, кто понимает) / Все наши глупости и мелкие злодеяния / На фоне Пушкина. / И птичка вылетает!» (Стих. С. 195). Пушкин объединяет, сближает разных людей, делая их друзьями: «На веки вечные мы все теперь в обнимку / На фоне Пушкина! И птичка вылетает» (Стих. С. 196).

По матери армянин, по отцу грузин, О. считает себя «арбатским человеком, воспитанным на русской культуре литератором». Но «грузинское» лирическое начало звучит во многих его стихах и образах («Грузинская песня», 1967, и др.). О. воспел мир старого Арбата с его особой атмосферой жизни и человеческих отношений во многих песнях и стихах: «Ах, Арбат мой, Арбат!», «Арбатский дворик», «Арбатский романс», «Надпись на камне» и др. Арбат у О. не только городское пространство, но и пространство души, поэзии, судьбы. У арбатского дворика человеческая душа, сама улица течет, как река, движется, несет в себе радость и беду. Арбатское начало породило в поэзии О. множество неологизмов: «Арбатство, растворенное в крови, / Неистребимо, как сама природа» (Стих. С. 263). С гордостью причисляет себя поэт к высокому званию «дворянина с арбатского двора, / Своим двором введенного в дворянство». С музыкой арбатского двора во многом связано бытование жанра городского романса и сентиментальной песенки в лирике О.

Музыкальность, песенность, мелодичность — отличительные особенности поэзии О. По замечанию З. Паперного, «картины окружающей жизни воспринимаются Окуджавой музыкально, как мелодия, которая словно вбирает в себя слова» (Паперный З. Единое слово. С. 231). И вдохновение у него неотделимо от ожидания мелодии как некоего особого начала: «И вот, уже от слез на волосок, / Я слышал вдруг, / Как раздавался четкий / Свихнувшейся какой-то нотки / Веселый и счастливый голосок» (Стих. С. 151).

Музыкальность обнаруживается в каждой клеточке стихов О., в рефренах и повторах, вопросах и восклицаниях: «Ах, музыкант мой, музыкант!», «'Ты что потерял, моя радость?' — кричу я ему» и т. д. — в романтическом «струении» стиха, музыкальной ритмической и интонационной волне. Музыка как героиня творчества О. объединяет и восстанавливает разрушенную гармонию: «Все стало на свои места, едва сыграли Баха...» (Стих. С. 137). Когда «замолкают оркестры Земли», торжественные и официальные, начинает звучать другая музыка — негромкая и задушевная. С любовью и нежностью пишет поэт о музыкальных инструментах, своих друзьях: это «старенькая скрипка», на которой играет Моцарт, «просто играет — всю жизнь напролет», это труба и барабан, черешневый кларнет, фагот, который, «как старый посох, стерт», одинокая шарманка, наконец — гитара, «спутник верный». «Пусть друг недолгий в нас камень кинет, / Пускай завистник свое кричит — / Моя гитара меня обнимет / Интеллигентно она смолчит» (Милости судьбы. С. 110). Постоянными героями песен О. становятся музыканты, флейтисты, барабанщики, все, благодаря кому «целый век играет музыка».

Во второй половине XX в. О. воскресил в русской поэзии любовную лирику и ее музыкально-разговорные жанры. Стихи О. строятся по романсовому сюжету любовного романа со всеми его перипетиями. В романсах утверждается самоценность человеческой личности с ее чувствами и переживаниями, «тайник индивидуального сознания» (Г. Гуковский). «Русского романса городского / Слышится загадочный мотив, / Музыку, дыхание и слово / В предсказанье судеб превратив. / За волной волна, и это значит: / Минул век, и не забыть о том... / Женщина поет. Мужчина плачет. / Чаша перевернута вверх дном» (Милости судьбы. С. 127). Прекрасная женственность окружена в романсах О. романтическим ореолом королевства: «Женщина, Ваше Величество!» — восклицает поэт, верный рыцарь Прекрасной Дамы, черты ее он видит в своих современницах: «В моей душе запечатлен портрет одной прекрасной дамы!» (Стих. С. 236). По отношению к ней поэт соблюдает старинный (и несколько старомодный) ритуал в обращении, разговорах, поклонении и любви: «Вы в глаза ее взгляните, / Как в спасение свое, / Вы

сравните, вы сравните / С близким берегом ее» (Стих. С. 27). Сердце поэта всегда настроено на любовь. Женственное начало видит он в природе, случайной бабочке, новогодней ели, снежной бабе, в своей Поэзии. Одушевлены в поэзии О. и другие общечеловеческие чувства и понятия: Совесть, Благородство и Достоинство, Вера, Надежда, Любовь, Страдание. О. считает, что мир спасет не красота, а страдание. Любимый образ поэта — образ Надежды. Верить и надеяться призывает он своих слушателей и читателей, заражая их эмоционально, сопереживая вместе с ними. «Его стихи чаще строятся как движение от себя — к другу, любимой, природе», — заметил З. Паперный (Единое слово. С. 240). Побуждение к добру, братству звучит в лирических обращениях поэта, ставших поэтическими афоризмами, формулой этического поведения: «Возьмемся за руки, друзья, / Чтоб не пропасть поодиночке!», «Давайте говорить друг другу комплименты, / Ведь это все любви счастливые моменты!» и др.

От первых простоватых и непосредственных «песенок» О. идет к лирике психологической, размышляет над вечными проблемами бытия. За внешне будничным, бытовым содержанием «житейских мелочей», «милостей судьбы», простых истин вдруг обнаруживается общечеловеческий, философский смысл. В песенке о голубом шарике, похожей по звучанию на детскую считалку, полет голубого шарика, улетевшего от девочки, сопровождает все этапы человеческой жизни — от детства, юности к взрослости и старости — с их тщетными надеждами на счастье. В лирическом подтексте возникает мотив надежды: голубой шарик детства возвращается как голубой шарик вечности.

В 80-90-е гг. в творчестве О. произошли некоторые изменения. Сыновнее отношение к времени уступило место зрелому отцовскому чувству, появилась философская «итоговая» интонация, тема смерти. Романтическое бездомье юности сменилось чувством дома, в котором все соразмерно желаньям поэта. В сб. «Милости судьбы» (1993) и цикле «Житейские мелочи» (1995) О. дает реалистические зарисовки жизни, обращается к дневнику путешествия по разным странам, разговаривает с современниками — живыми и мертвыми друзьями, размышляет о времени, народе и толпе: «Что ж, век иной. Развезены все мифы, / Повержены умы. / Куда ни посмотреть — все скифы, скифы, скифы. / Их тьмы, и тьмы, и тьмы» (Знамя. 1995. № 2. С. 3). Кажется, стих утратил мелодию, стал разговорным, поэт хочет не пропеть, а рассказать о жизни, ответить на все вопросы («Я вас обманывать не буду»). Но все-таки О. остается верен себе: «Мы романтики старой закалки / Из минувшей и страшной поры. / Мы явились на свет из-под палки, / Чтоб воспеть городские дворы», — скажет он в стихотворении, посвященном Н. Матвеевой. Лирический герой остро ощущает свою вину и готов расплатиться за надежду «самой горькой дворовой ценой» (Милости судьбы. С. 18).

Кроме автобиографической прозы, О. пишет исторические романы: «Бедный Авросимов» («Глоток свободы», 1969), «Путешествие дилетантов» (1971-1977), «Свидание с Бонапартом» (1979-1983) и др.

Увлеченный эпохой декабризма, ее истоками и последствиями для русской истории, О. создает своеобразную трилогию о сложном соотношении вольнолюбивых теорий и программ преобразования России с непосредственным житейским морем, реальной жизнью и чувствами людей, их любовью, семьей и бытом. Романтическая в своей основе, проза О. следовала не за конкретными историческими документами и фактами, хотя они в ней есть. Писателя привлекает «домашняя», человеческая суть русской истории, не столько события, сколько их восприятие и переживание героями. При этом он замечает: «В каждом герое — я. Герой насыщен тем, что мучает меня, что бушует во мне» (Веч. Ленинград. 1984. 7 мая. С. 3). По структуре романы представляют собой заметки из дневника, письма, воспоминания, проза порой перебивается стихами, становится лирической.

В романе «Свидание с Бонапартом» война 1812 г. изображена как бы периферийно, не с поля сражений, а из дворянских усадеб и сожженных московских домов. Автор и его герои размышляют о «французских вольтеровских соблазнах» и игре русских аристократов в чужую революцию, о превращении кумира Наполеона в захватчика и оскорбителя России. В творчестве

О. всегда присутствует своеобразная оппозиция «сумасбродства» и «здорового смысла» в русских интеллигентах. В «Свидании с Бонапартом» это, с одной стороны, Тимоша Игнатьев, его дядя генерал Николай Опочинин и «нормальный молодой человек» Пряхин — с другой.

Герой романа «Бедный Авросимов» — дворянский недоросль, вроде пушкинского Петруши Гринева, волею судьбы оказывается на самом гребне исторических событий и сталкивается лицом к лицу в Тайной следственной комиссии с «государственным преступником и злодеем» П. Пестелем. Не разумом, а детским сердцем герой О. начинает понимать трагическое величие декабриста, жалеет его, преданного всеми, даже готов устроить ему побег. Но «глотка свободы» оказалось явно мало для успеха дела.

В «Путешествии дилетантов» противостояние судьбе, государственной системе, атмосфере всеобщего доноительства воплощается в романтической непреклонной любви Сергея Мятлева, друга Лермонтова, и Лавинии Ладимировской. Вся мощь государства и светской морали обрушивается на двух любящих, их преследуют, ловят, судят, пытаются подчинить их чувство «нормальным» законам и правилам. Но любовь оказывается той силой, которую не одолеть, и разлучить героев может только смерть. На материале истории О. пишет о современности, о себе, своей любви: «Пока не замело следы их на крыльце / И ложь не посмеялась над судьбою, / Я написал роман о них, но в их лице / О нас: ведь все, мой друг, о нас с тобою» (Стих. С. 253). Историческую прозу О. называют ретроспективной, потому что в каждом романе присутствует литературная маска рассказчика из будущего, иногда им бывает автор, в руки которого попадает дневник или записки какого-нибудь «частного человека» из прошлого. В стихотворении с прозаическим названием «Я пишу исторический роман» О. отстаивает свое право на творческую свободу: «Каждый пишет, как он слышит, / Каждый слышит, как он дышит. / Как он дышит, так и пишет, / Не стараюсь угодить. / И пока еще жива / Роза красная в бутылке, / Дайте выкрикнуть слова, / Что давно лежат в копилке».

О. считает себя человеком со счастливой литературной судьбой. «Судьба меня закалила, многому научила и в то же время не лишила способности выражать себя теми средствами, которыми наделила природа. Хорошо или плохо я ими распорядился — не мне судить. Во всяком случае, я очень старался» (Лит. газета. 1984. 25 апр. С. 3).

Соч.: Арбат мой, Арбат! М., 1976; Стихотворения. М., 1985; Капли Датского короля. М., 1991; Милости судьбы. М., 1993; Песенка о моей жизни. М., 1995; Чаепитие на Арбате. М., 1996; Зал ожидания. Н.-Новгород, 1996; Повести и рассказы. М., 1992; Заезжий музыкант: Проза. М., 1993; Упраздненный театр. М., 1995.

Лит.: Белая Г. В контексте художественного мира // Литература в зеркале критики. М., 1986; Паперный З. За столом семи морей // Единое слово: Статьи и воспоминания. М., 1983; Баженова А. Ничего взамен любви // Октябрь. 1984. № 9.

Н. Н. Какшто